

**«СТАРАЯ РОССИЯ
ОСТАЛАСЬ ДЛЯ НАС ЖИВОЙ...»
Интервью с Вероникой Шеншиной**

Персоной этого номера является Вероника Александровна Шеншина – известный историк русской литературы второй половины XIX века, академик Международной академии наук педагогического образования (2004), почетный профессор Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова (2008), автор книги о своем дальнем родственнике «А. А. Фет-Шеншин: поэтическое мирозерцание». Вероника Александровна живет и работает в Хельсинки. Я обратился к ней с несколькими вопросами, ответы на которые помогут читателю представить профиль нашей персоны.

В. Г.: Вероника Александровна, расскажите, пожалуйста, о своем происхождении. Просьбу мою, однако, не понимайте только как дань Вашему знаменитому предку. Не скрою, размышляя о кандидатуре рубрики «Персона», я, конечно, думал о том, чтобы это лицо явилось особым знаком соединения Прошлого с Настоящим, истории России с современностью. Познакомившись с Вами однажды (года три-четыре назад), прочитав Вашу прекрасную книгу об А.А Фете-Шеншине, я, конечно же, подумал о том, что Ваша кандидатура являет собой то, что нас интересует: богатейшие русские корни и славная современная биография человека, *живущего* за рубежом России, но – *живущего* ее проблемами. Вы вдали от России и Вы здесь, с нами. Это очень важно. Мне трудно представить человека, который мог бы навсегда забыть о своей родине, – наверное, это невозможно. Вернемся, однако, к вопросу, который я поставил в самом начале нашей беседы, – о Вашем происхождении.

В. Ш.: Благодарю Вас, Владимир Иванович, за эти теплые слова и постараюсь ответить на Ваши вопросы.

Да, действительно, несмотря на то, что моей родиной является Финляндия (здесь мои родители, здесь я родилась), мои русские корни достаточно глубоки. Надо признаться, что сохранить русский язык, русскую культуру и православную веру в Финляндии было задачей непростой.

Мой дед, Алексей Парменович Шеншин, родился в Орловской губернии в Мценском уезде, а скончался уже в Финляндии на Карельском перешейке. Учебу он начал в Орловском кадетском корпусе имени Бахтина и продолжил в Александровском кадетском корпусе в Петербурге. Затем окончил по первому разряду Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. Служил в Кронштадтской крепостной артиллерии и затем в Канцелярии Его Величества. В Первую мировую войну был на фронте. После кронштадтских событий и восстания в 1921 году мой дед эмигрировал в Финляндию. С тех пор мы живем здесь, и Финляндия стала нашей родиной, страной, где мы родились.

Когда я после распада СССР приехала на древнюю родину Шеншиных в Россию, в Орел, то мне совсем случайно представилась возможность участвовать в первом крестном ходе, проходившем в городе. Нас было около 200 человек, мы шли по улицам Орла. Представляете, все вместе: и Божья благодать, и молитва, и церковное пение, а также особое торжественное выражение и удивительно-радостная задумчивость на лицах людей, участвующих в крестном ходе. Разве это можно забыть?

Мой отец, Александр Алексеевич Шеншин, по образованию капитан дальнего плавания, более 30 лет служил капитаном первого ранга в Финляндском государственном ведомстве мореходства в должности начальника I гидрографической экспедиции. В эмиграции мы хотели сохранить память нашего рода и поэтому вступили в общество *Noblesse Russe* в Париже.

Выросла я в Хельсинки — здесь получила начальное образование в шведской школе и лицее, окончила Институт переводчиков в Тампере и Хельсинкский университет. Докторскую диссертацию защитила в Иллинойском университете в США.

В. Г.: Итак, Вы окончили шведскую школу, лицей и университет в Хельсинки, получили прекрасное европейское образование, диссертацию защищали в США. Меня интересует Ваше *возвращение* в лоно русской национальной культуры. Оно уже состоялось или вся Ваша жизнь — постепенное возвращение? Может быть, вопрос об этом совершенно не значим для Вас? Может быть, для Вас вопрос о духовной эмиграции не актуален?

В. Ш.: Одной из задач первой русской эмиграции и их потомков было именно возвращение русской духовной традиции, православной веры в Россию — желание передать все то, что было разорено и истреблено в советский тоталитарный и антирелигиозный период.

За рубежом мы сохранили связь с Россией главным образом благодаря рассказам наших родителей, бабушек и дедушек. Старая Россия осталась для нас живой. Ведь мы с упоением читали произведения замечательных русских поэтов и писателей — Батюшкова, Жуковского, Лермонтова, Пушкина, Фета, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Гончарова, Лескова. Этих авторов мы читали в старых дореволюционных изданиях, в которых сохранился старый алфавит. Конечно, это были книги и авторы из *того мира*, из прежней России. Связь подерживалась также благодаря глубокой вере и церковной традиции, сохраненной нашими родителями.

И если теперь появляется хоть маленькая возможность своими статьями и публикациями вернуть частицу старой русской культуры в Россию, то я очень рада. Конечно, задача сложная, ведь, условно говоря, вернуть надо самое ценное — а как это сегодня сделать? Ведь современный мир крайне жесток и отдален от таких понятий, как вера, совесть, доброта, прощение и смирение. Во всяком случае, меня глубоко радуют Ваши слова, Владимир Иванович, о том, что хотя я и нахожусь далеко от Вас, но все же с вами, а самое главное, что поэзию и творчество А. А. Фета ценят и изучают. Мое возвращение в Россию состоялось именно благодаря поэту Фету, и современная Россия мне также открылась благодаря ему. Через отношение к его жизни и творчеству мне раскрываются и ценности современной России, ее читателей, преподавателей и исследователей.

Относительно духовной эмиграции и возвращения в лоно русской культуры могу сказать, что все это уже состоялось. Я радуюсь тому, что православная вера и священники и прихожане в России больше не гонимы. Надеюсь также, что их вера и глубокие знания окажутся востребованными и непременно станут ценным богатством как в университетском, так и в школьном и дошкольном преподавании. Бывая в России, я стараюсь найти время посетить службы и познакомиться с отреставрированными православными храмами.

В. Г.: Вероника Александровна, к сожалению, рамки нашей беседы не позволяют раскрыть некоторые соображения, историко-культурные фрагменты, высказанные Вами, но мне совершенно ясно, что, явившись в этот мир за рубежом России, будучи воспитанной в лоне русской семьи, Вы стремитесь сохранить завещанное, отчасти реконструировать память о Прошлом и обустроить новую дорогу в современную Россию.

Я предлагаю Вам еще один вопрос: в какой степени на Вас повлияла финская культура? Можно ли говорить о том, что под воздействием

обстоятельств Вы на ментальном уровне органично соединяете в себе два начала — русское и финское? Или все-таки в конечном счете Вы идентифицируете себя только как русского человека?

В. Ш.: Очень сложный вопрос. Можно сказать, что у меня три языка, три культуры, которые я ощущаю своими родными: финская, финско-шведская и русская. Такое соединение я считаю естественным, и у меня даже не возникает вопросов по этому поводу. Но мне немного любопытно: как другие воспринимают человека с тремя родными языками? С моей стороны это родное понимание трех культур изнутри, и они никоим образом не мешают друг другу, а наоборот, помогают воспринять разные вопросы с разных сторон.

В. Г.: Вероника Александровна, благодарю Вас за ответы, желаю всего самого доброго и надеюсь на наше дальнейшее сотрудничество. В этом номере с Вашего позволения мы публикуем отрывок из четвертой главы Вашей книги о Фете — *Шеншина В. А. А. Фет-Шеншин. Поэтическое мирозерцание*. М., 2003.

Беседовал Владимир Грешных